

УДК 343.102
ББК 67.410.2

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК СИНТЕЗ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

© 2023 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 13.11.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию предпосылок, повлиявших на самобытный характер российской системы досудебного производства по уголовному делу.

Анализируя вектор развития национальной уголовной юстиции и уголовно-процессуального законодательства, проводя сравнительные параллели с зарубежными механизмами предварительного расследования, автор формулирует вывод об обусловленности постепенного обособления советской и постсоветской системы досудебного производства известными историческими катаклизмами XX в. Отмечается, что в Российской Федерации сформировалась уникальная модель досудебного производства, представляющая собой хаотичный синтез различных, в том числе плохо совместимых, элементов, присущих разным типам уголовного процесса.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, история уголовного процесса, органы дознания, органы предварительного следствия, предварительное расследование, предварительное следствие, система досудебного производства, следователь, уголовная юстиция.

Цитирование: Россинский С. Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.

Статья подготовлена по государственному заданию Института государства и права Российской академии наук. Тема НИР № FMUZ-2021-0043 «Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации».

DOI: 10.31857/S102694520023041-6

THE RUSSIAN SYSTEM OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS AS A SYNTHESIS OF DIFFERENT TYPES OF CRIMINAL PROCEDURE

© 2023 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 13.11.2022

Abstract. The article is devoted to the study of prerequisites that determined the distinctive character of the Russian system of pre-trial proceedings in a criminal case.

Analyzing the vector of development of national criminal justice and criminal procedure legislation, drawing comparative parallels with foreign mechanisms of preliminary investigation, the author comes to the conclusion that the gradual separation of the Soviet and post-Soviet system of pre-trial proceedings was caused by the well-known historical cataclysms of the 20th century. It is noted that a unique model of pre-trial proceedings has been formed in Russian Federation that represents a chaotic synthesis of various, including poorly compatible, elements inherent in different types of criminal proceedings.

Key words: inquiry, pre-trial proceedings, history of criminal proceedings, bodies of inquiry, bodies of preliminary investigation, preliminary inquiry, preliminary investigation, system of pre-trial proceedings, investigator, criminal justice.

For citation: *Rossinskiy, S.B. (2023). The Russian system of pre-trial proceedings as a synthesis of different types of criminal procedure // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 58–65.*

The article was written on the state assignment of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Subject of research work No. FMUZ-2021-0043 “The concept of the criminal law policy of the Russian Federation”.

Досудебное производство — один из основных этапов российского уголовного процесса, состоящий в совокупности из уголовно-процессуальных отношений, возникающих в момент поступления в орган дознания или к органу предварительного следствия «сигнала» о совершенном или готовящемся преступлении и завершающихся передачей материалов окончательного предварительного расследования в суд, а при отсутствии судебной перспективы по данному уголовному делу — его прекращением. В традиционном понимании досудебное производство — это феномен, присущий континентальному (романо-германскому) типу уголовной юстиции; он свойствен для государств континентальной Европы, их бывших колоний и других стран, находившихся либо продолжающих находиться под влиянием европейской цивилизации в целом и европейской правовой доктрины в частности. Родоначальницей феномена досудебного производства следует признать классическую французскую систему предварительного расследования, сложившуюся на рубеже XVIII–XIX вв. и получившую легальное закрепление в Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. — знаковым для всего континентального уголовно-процессуального права нормативном акте, подготовленном группой известных юристов под руководством графа Ж.-Б. Трейяра. А история досудебного производства в Российской Империи начинается со времен проведения судебной реформы императора Александра II, обусловившей существенное изменение подходов к уголовной юстиции и предпринявшей возникновение «инновационной» на тот момент концепции уголовного процесса, легализованной в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г.

Возникновение и развитие механизмов досудебного производства далеко не случайно, а детерминировано появлением нескольких типов уголовного процесса, предполагающих совмещение принципа публичности с состязательной формой осуществления судопроизводства. Тогда как прежде, в период действия архаичных типов уголовного процесса, подобного совмещения просто не наблюдалось: обвинительный (частноисковой) тип был, как известно, состязательным, но не публичным,

а инквизиционный тип — напротив, гиперпубличным, но явно не состязательным. И только возникшая в Новое время потребность в некоей имплементации состязательных начал в сохраняющую публичную природу уголовно-процессуальную материю, предопределила появление механизмов, обеспечивающих возможность предварительного формирования вносимой в суд публичной уголовно-правовой претензии (позиции государственного обвинения, своеобразного «уголовного иска») как предмета предстоящего судебного разбирательства. И именно поэтому подобные механизмы в той или иной форме присущи любым современным системам уголовного судопроизводства, по крайней мере основанным на привычных для нас европейских подходах к уголовной юстиции.

Однако ввиду исторических традиций и других факторов, определявших и продолжающих определять тенденции развития различных государств со свойственными им правовыми порядками, эти механизмы приобрели совершенно разные формы и оттенки — осуществляются посредством использования различных способов и технологий. Например, страны, включенные в т.н. англосаксонскую семью (США, Великобритания, государства, входящие в Британское Содружество наций, и проч.), традиционно придерживаются классических состязательных подходов к уголовному судопроизводству, предполагающих лишь судебные процедуры рассмотрения и разрешения соответствующего дела. В этой связи досудебная функция обеспечения возможности предварительного формирования позиции обвинения вообще выведена из зоны уголовно-процессуального регулирования. Она подлежит реализации посредством непроцессуальной деятельности органов полицейского типа, состоящей из правоохранительных и розыскных приемов, урегулированных ведомственными актами. Причем ввиду непроцессуальной природы результаты подобной деятельности сами по себе не являются полноценными судебными доказательствами, пригодными для использования при обосновании правоприменительных решений, — таковыми их может признать только суд после надлежащего исследования и проверки, как правило, проводимых путем получения показаний от соответствующих

должностных лиц, а также их оценки на предмет юридической доброкачественности. Тогда как до представления в суд они являются не более чем полезными предметами, документами или сведениями, мало чем отличающимися от предметов, документов или сведений, собранных частными лицами: обвиняемым, потерпевшим, адвокатом, частным детективом и т.п. Кстати, именно поэтому сотрудникам правоохранительных органов обычно рекомендуют осуществлять свои познавательные приемы в условиях правовой преемственности по отношению к требованиям уголовно-процессуального законодательства, что повышает вероятность дальнейшей позитивной оценки судом получаемых результатов¹.

В свою очередь, страны, относящиеся к романо-германской правовой семье, используют несколько иные подходы к организации и правовому режиму досудебного производства, унаследованные от вышеупомянутой классической французской («наполеоновской») системы предварительного расследования и частично основанные на элементах инквизиционной (следственной) модели уголовной юстиции. Кстати, именно по этой причине и сам тип романо-германского уголовного процесса принято называть смешанным, то есть предполагающим сочетание элементов состязательности и инквизиционности в тех или иных пропорциях. В отличие от англосаксонской модели полицейского дознания романо-германское досудебное производство — это, как отмечалось ранее, автономный этап уголовно-процессуальной деятельности, входящий в предмет уголовно-процессуального регулирования. Правда, различные государства континентальной Европы уже достаточно существенно разошлись в подходах к механизмам досудебного производства — настолько сильно, что сомнение вызывает даже сам факт существования единого романо-германского типа уголовного процесса. Представляется, что уместнее говорить о двух отдельных типах уголовного процесса: романском («французском») и германском («немецком») и, как следствие — о достаточно самостоятельных «французской» и «немецкой» моделях досудебного производства, каждая из которых, в свою очередь, тоже предполагает множество различных вариаций с присущими им особенностями.

Так, «французская» модель досудебного производства (Франция, Бельгия, Испания, Греция и т.д.) в целом продолжает сохранять высокую степень преемственности по отношению к «наполеоновской» системе предварительного расследования. Она

основывается на достаточно жестком разграничении превентивного полицейского дознания и предварительного расследования (следствия), осуществляемого особыми государственными чиновниками, представляющими судебную власть (следственными судьями или судебными следователями). Иными словами, «французская» модель предварительного расследования предполагает четкое разделение функций «полиции» и «юстиции» как возложенных на принципиально разные государственные органы и должностных лиц. Причем представители «юстиции» ввиду своего судебного статуса обладают юрисдикционной правосубъектностью и наделены значительным объемом юрисдикционных полномочий, сходных с полномочиями суда. Они вправе собирать (формировать) и депонировать для последующего судебного рассмотрения уголовного дела полноценные доказательства, выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты и т.д.²

«Немецкая» модель (Германия, Австрия, Швейцария, Польша и проч.) возникла вследствие зародившихся во второй половине XX в. тенденций по постепенному упрощению процедур досудебного производства. Поэтому оно предполагает более простые, явно тяготеющие к непроцессуальному полицейскому дознанию англосаксонского типа, но остающиеся в зоне уголовно-процессуального регулирования правовые механизмы предварительного расследования уголовных дел. Такая деятельность осуществляется полицией (иногда — другими государственными органами), выполняющей свои функции под руководством либо всепоглощающим надзором прокурора, фактически превращенного в «хозяина» расследования. Причем результаты работы полиции признаются некими свободными доказательствами (своеобразными юридическими «полуфабрикатами»), с одной стороны, несколько превалирующими перед непроцессуальной информацией, а с другой — проигрывающими по юридическому значению жестким доказательствам как продуктам деятельности суда³.

На основании сказанного закономерно возникает вопрос: к какому же типу можно отнести российскую систему досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности? Ответ на этот вопрос видится весьма неоднозначным, требующим подробного анализа и осмысления целого ряда причин и тенденций, обусловивших как

² См., напр.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 188; Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.С. Самарина, В.В. Луцка. М., 2018. С. 278, 655.

³ См., напр.: Лубенский А.И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. М., 1977. С. 32, 33; Бутков В.Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск, 1988. С. 88, 89; Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии. М., 2015. С. 109.

¹ См., напр.: Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2001. С. 179, 180; Ткачева Н.В. Уголовное судопроизводство зарубежных государств: учеб. пособие. Челябинск, 2006. С. 19, 36, 37.

построение органов досудебной уголовной юстиции, так и существующие механизмы реализации ими государственно-властных полномочий.

Вообще, как уже отмечалось ранее, российское досудебное производство в привычном для нас понимании обязано своим возникновением судебной реформе Александра II. Причем существовавшие до 1917 г. и предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства Российской Империи механизмы имели достаточно высокую степень преемственности по отношению к классической «наполеоновской» системе предварительного расследования и сводились к работе судебных следователей, осуществляющих свои полномочия при содействии полиции и под надзором прокуратуры (на языке того времени — под наблюдением прокуроров и их товарищей). Вместе с тем известные события 1917 г. предопределили изменение самой парадигмы государственного администрирования, что не могло не повлиять на организацию уголовной юстиции и механизмы досудебного производства.

Так, в первые годы советской власти в силу понятных причин в вопросах уголовной юстиции, как и во многих других сферах жизнедеятельности, наблюдался полный организационно-правовой хаос. Существовавшие до революции судебные следственные, полицейские и другие органы и учреждения были ликвидированы, а формально еще сохраняющие силу законодательные акты, в том числе и Устав уголовного судопроизводства Российской Империи, фактически не применялись. Вместо этого были образованы различные революционные органы уголовной и квазиуголовной юстиции: местные суды, революционные трибуналы, следственные комиссии и т.д., которые руководствовались экстренно вводимыми, достаточно бессистемными и постоянно изменяемыми положениями так называемого «декретного» права, т.е. правилами, установленными рядом известных «судебных» декретов советской власти⁴.

Однако в связи с окончанием Гражданской войны, постепенным выходом из послереволюционного кризиса и многими другими факторами, предопределившими гораздо более стабильные формы и методы государственного администрирования, возникли предпосылки для создания полноценной системы раннесоветского права в целом и уголовной юстиции в частности. Совокупность проведенных в данном направлении преобразований принято называть судебной или судебно-правовой реформой 1922 г.

При этом предпринятые в части досудебного производства правотворческие шаги предполагали весьма высокую степень преемственности по отношению к дореволюционной системе предварительного расследования. Итоги этих преобразований во многом определялись желанием максимально сохранить традиционные, хорошо апробированные и вполне приемлемые для советской власти прежние подходы к досудебной уголовной юстиции. По справедливому замечанию С.А. Шейфера, советский законодатель постарался не отказываться от тщательно выверенных и прогрессивных для своего времени позиций, положенных в основу Устава уголовного судопроизводства Российской Империи⁵. Подобный правовой «ренессанс» вполне понятен. Ввиду того, что формированием раннесоветской системы уголовной юстиции руководили специалисты с дореволюционным прошлым (Д.И. Курский, Н.В. Крыленко, П.И. Стучка, Н.А. Черлунчакевич и др.), нет ничего странного, что предлагаемые ими инициативы преимущественно базировались на прежних подходах, в свою очередь, основанных на классической «наполеоновской» концепции предварительного расследования. Иными словами, разработчики раннесоветской системы досудебной уголовной юстиции постарались, сменив «вывески» (изменив наименования соответствующих органов власти на более революционные), в целом сохранить их функциональное предназначение и порядок реализации ими своих полномочий. Эти правотворческие инициативы были поддержаны государством и получили закрепление в ряде нормативных актов, в частности в Положении о судостроительстве РСФСР 1922 г., в «пробном» Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и в принятом всего через несколько месяцев «обновленном» Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г.

Однако, невзирая на изрядную степень преемственности по отношению к дореволюционным подходам, возникшая в начале 1920-х годов советская система досудебной уголовной юстиции уже имела некоторые особенности, детерминированные совершенно иной парадигмой организации публичной власти. Так, и суды, и прокуроры, и следователи состояли в прямом подчинении единого исполнительно-распорядительного органа — Наркомюста, которым руководил Народный комиссар юстиции (до 1928 г. — Д.И. Курский), одновременно занимавший пост прокурора Республики, а его заместителем являлся Председатель Верховного Суда РСФСР (до 1932 г. — П.И. Стучка). Такие властеотношения дискредитировали идеи об относительно

⁴ Подробнее об этом см.: *Росинский С.Б.* Формирование и развитие уголовной юстиции в первые годы советской власти (к 100-летию судебной реформы 1922 г.) // Труды ИГП РАН. 2022. № 5. С. 149–176.

⁵ См.: *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64.

автономном характере следственной деятельности, по крайней мере в дореволюционном понимании этого феномена. Ввиду отказа от принципа разделения властей, справедливо отметил Ю.А. Цветков, вопрос о подчиненности следственных работников вообще утратил принципиальное значение⁶. Поэтому со временем советский следователь закономерно стал все сильнее и сильнее попадать в зависимость от надзирающего прокурора, постепенно превращающегося в «хозяина» досудебного производства.

Одновременно и ровно по тем же причинам возникли и другие устойчивые тенденции, связанные с постепенной административизацией органов предварительного следствия, с возникновением особой бюрократической ментальности, с превращением следователей в «рядовых» чиновников — исполнителей указаний вышестоящего начальства, но при этом сохраняющих за собой юрисдикционную правосубъектность, в частности классические судебно-следственные полномочия по вынесению имеющих юридические последствия правоприменительных актов, по формированию и депонированию для предстоящего суда полноценных доказательств и т.д.

Этим же можно объяснить и еще целый ряд реформ, проведенных в части органов предварительного следствия в советский период развития уголовной юстиции. Взять хотя бы известное и в определённой степени знаковое решение о переводе следственного аппарата из судебного ведения в ведение прокуратуры (Постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 03.09.1928 г.), которое, с одной стороны, закрепило окончательный отказ от попыток воссоздания дореволюционного корпуса судебных следователей, однако, с другой — ввиду нахождения и суда, и прокуратуры, и следственного аппарата в подчинении единого органа государственной власти фактически возымело не более чем организационно-штатное значение, т.е., по сути, лишь предписало переход сотрудников из одного «главка» в другой. Близкое по смыслу объяснение напрашивается и в части создания в 1938 г. следственного аппарата НКВД СССР, в 1963 г. — следственных подразделений органов внутренних дел, а уже в постсоветский период — следственных органов налоговой полиции и ФСКН России: если уж государство возложило функцию предварительного следствия на один административный орган, что мешало возложить их на второй, третий и т.д.?

В результате указанных тенденций следственная деятельность стала все больше напоминать полицейскую — функция «юстиции» начала постепенно смешиваться с функцией «полиции». На следователя начали возлагаться несвойственные

носителю функции «юстиции» сугубо «полицейские» полномочия: проведение проверок сообщений о преступлениях, выезды на места происшествий, оперативное проведение познавательных удостоверительных действий, направленных на собирание и закрепление predisposed к утрате или видоизменению следов преступления, задерживания подозреваемых и т.п. Следственные аппараты стали формироваться на подобиі органов власти полицейского типа, включая создание целой сети территориальных, специализированных и структурных подразделений. Возник и целый корпус руководителей следственных органов различного уровня, фактически получивших возможность оказывать влияние на деятельность подчиненных следователей, в том числе на содержание выносимых ими правоприменительных актов. Зародились традиции, предполагающие неукоснительность выполнения поручений (приказов) руководства, согласование с непосредственными и даже вышестоящими начальниками процессуальных решений и т.д. И в этой связи нет ничего странного в легализации в 1965 г. еще одного полноценного участника досудебного производства — начальника следственного отдела, уполномоченного на осуществление функций процессуального руководства и процессуального контроля в части работы следователей, проходящих службу в вверенном ему подразделении.

Одновременно существовали и как бы встречные тенденции, направленные на постепенную процессуализацию работы органов дознания, на сближение осуществляемых ими полномочий с полномочиями органов предварительного следствия, т.е. на еще большее смешение функции «полиции» и функции «юстиции». Ведь ранее под дознанием понималась именно непроцессуальная деятельность полицейского типа, осуществляемая либо в преддверии предварительного следствия, либо в целях оказания содействия реализации следственных полномочий⁷. Тогда как начиная с 1920-х годов дознание начало постепенно превращаться в полноценную форму расследования (в альтернативу предварительному следствию), подлежащую использованию по уголовным делам о менее тяжких преступлениях. В прежних публикациях автора настоящей статьи высказываются сразу несколько более или менее состоятельных гипотез, объясняющих возникновение указанных тенденций, и предпринимаются попытки их обоснования⁸. Однако какая из них сыграла

⁷ См.: Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. СПб., 1867. Ч. 2. С. 3; Случевский В.К. Учебник уголовного процесса. 4-е изд. СПб., 1913. С. 516.

⁸ См.: Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 33–35.

⁶ См.: Цветков Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 36.

решающую роль, по сути, не так уж и важно. Намного важнее то, что деятельность органов дознания в целом перестала ассоциироваться с непроцессуальными методами работы государственных органов полицейского типа, а постепенно превратилась в некое квазиследствие, также предполагающее возможность вынесения имеющих юридические последствия правоприменительных решений, собирание и депонирование доказательств, изначально равных по юридической силе доказательствам, полученным следователем или судом⁹.

На основании изложенного можно сформулировать промежуточный вывод: возникшие в 1920-е годы тенденции развития досудебной уголовной юстиции в конце концов привели к появлению и окончательному формированию во второй половине XX в. достаточно уникального в своем роде, самобытного, не имеющего зарубежных аналогов правового феномена — советской системы досудебного производства, представляющей собой некую гибридную помесь «французской» и «немецкой» моделей, некий синтез далеко не всегда предрасположенных к гармонизации элементов, относящихся как к «французскому», так и к «немецкому» типам уголовного процесса. От «французской» модели советская система досудебного производства унаследовала юрисдикционный характер следственных и дознавательских полномочий, тогда как от «немецкой» модели — возложение данных полномочий либо на саму прокуратуру, либо на государственные органы полицейского типа, осуществляющие свои функции в условиях зависимости от прокурора. Причем эти элементы были совмещены путем внедрения в законодательство и правоприменительную практику ряда весьма оригинальных, но при этом спорных, подчас плохо работающих и вызывающих множество проблем «изобретений» советской правовой доктрины: например, пресловутой стадии возбуждения уголовного дела, достаточно жесткой формализации следственных действий и т.д.

Предопределённые известными политическими и социально-экономическими катаклизмами конца XX в. попытки преобразований советской уголовной юстиции наглядно продемонстрировали потребность в поиске какого-то принципиально иного вектора развития национальной системы досудебного производства, с одной стороны, соответствующего стандартам цивилизованного государства, а с другой — основанного на национальных традициях и всем предшествующем опыте работы отечественных органов предварительного расследования и прокуратуры. Изначально эти замыслы планировалось воплотить в жизнь

в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г. Однако успешное осуществление предполагаемых реформ сильно затруднялось ввиду ряда возникших в 1990-е годы деструктивных факторов: отсутствия единства взглядов на характер и содержание проводимых преобразований, сильного давления различных политических и зарубежных сил, стремления власти в кратчайшие сроки обновить множество законов и т.д. Уголовно-процессуальный кодекс РФ готовился в условиях бурных споров и дискуссий¹⁰, принимался весьма поспешно, без должной проработки и единообразного понимания вектора дальнейшего развития уголовной юстиции в целом и досудебного производства в частности. Многие законодательные решения явились результатом вынужденных и достаточно шатких компромиссов. Тем более практически сразу в Уголовно-процессуальный кодекс РФ стали вноситься непродуманные и весьма бессистемные изменения и дополнения, рассчитанные не столько на долгосрочный эффект, сколько на импульсивное устранение изначально допущенных изъянов. В этой связи существовавшая ранее советская система досудебного производства была буквально наспигована множеством разных новаций, присущих различным типам уголовного процесса.

Аномальным на этом фоне было принятое в условиях сильного давления со стороны заокеанских партнеров и активно поддержанное российскими поборниками американских ценностей решение о внедрении в систему досудебного производства чуждого для континентального типа уголовного процесса принципа состязательности в его англосаксонском понимании, что привело к отнесению субъектов, осуществляющих предварительное расследование к участникам со стороны обвинения (куда еще их было отнести?!), а также к отмене требования о полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. В результате все еще обладающие юрисдикционной правосубъектностью «французского» (но никак не англосаксонского) типа дознаватели и следователи из «расследователей» превратились в классических преследователей, нацеленных лишь на изобличение человека в совершении преступления, — произошло свойственное для архаичного инквизиционного процесса слияние обвинительной и следственной функций. Подобная новация оказалась настолько непродуманной, что даже

⁹ См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 182.

¹⁰ См.: Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. СПб., 2018. С. 46.

потребовала вмешательства Конституционного Суда РФ, постаравшегося в своем постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П¹¹ несколько смягчить ее буквальное толкование и направить обусловленную ей правоприменительную практику в более традиционное русло.

Одновременно досудебная уголовная юстиция пополнилась механизмами судебного контроля за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. То есть в нее были внедрены процедуры, в которых четко просматриваются элементы «немецкой» модели досудебного производства, обусловленные невозможностью полицейского «расследователя» самостоятельно принимать свойственные для «французской» модели решения судебно-следственного характера.

Несколько позднее, в 2007 г., была проведена очередная реформа российской системы досудебного производства, в результате которой органы предварительного следствия практически полностью освободились от прокурорской зависимости, т.е. произошел некий скачок в сторону «французской» модели. Однако при этом следователи вовсе не превратились в французских следственных судей, а остались в ведении органов исполнительной власти полицейского типа (а прокурорские следователи — в ведении прокуратуры), одновременно попав в еще большую зависимость от своих административных начальников — руководителей следственных органов, что можно охарактеризовать как частичное сохранение элементов «немецкой» модели досудебного производства. Тем более что проведенная реформа не коснулась органов дознания, которые продолжили работать в условиях традиционной надзорной зависимости от прокуратуры. В 2011 г. был учрежден Следственный комитет РФ — особый, в некотором смысле даже уникальный орган государственной власти, находящийся в прямом ведении Президента РФ, чем-то явно напоминающий опричнину времен Ивана Грозного или «майорские» следственные канцелярии времен Петра I как правоохранительные институты, непосредственно подчиненные правителю. Таким образом, можно предположить, что в этой части были воссозданы некие национальные традиции уголовной юстиции.

* * *

С учетом всего вышеизложенного ответ на поставленный выше вопрос о типе российской системы досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности представляется следующим: *ввиду ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в Российской*

Федерации сформировалась самобытная национальная модель досудебного производства, обусловленная бессистемным переплетением разных, в том числе плохо совместимых, элементов, присущих другим моделям досудебного производства, что выражается в интеграции функций «полиции» и функции «юстиции», в частности в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты, а также собирать и депонировать для предстоящего судебного заседания доказательства, равные по юридической силе, доказательствам, полученным самим судом.

Думается, что именно этими причинами и объясняются многие извечные вопросы досудебного производства, стоящие перед уголовно-процессуальной доктриной, законодательством и правоприменительной практикой, например вопросы, касаемые стадии возбуждения уголовного дела, задержания подозреваемого, использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности и т.д. Некоторые из них уже были рассмотрены в подобном контексте в прежних публикациях автора настоящей статьи, некоторые — планируются к рассмотрению в обозримом будущем. Вместе с тем они могут быть разрешены лишь после поиска вектора дальнейшего развития досудебной уголовной юстиции, соответствующего потребностям и традициям российского общества и государства.

Каким должен быть этот вектор? Ответы на данный вопрос представляются весьма сложными, неоднозначными и явно выходящими за предмет настоящей статьи. Однако в любом случае совершенно ясно, что законодателю надлежит, наконец, прекратить правотворческие метания, попытки синтеза разных, в частности плохо совместимых, элементов, свойственных различным типам уголовного судопроизводства, и выработать какие-то единообразные подходы, в наибольшей степени приемлемые для российских реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 182.
2. Бутков В.Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск, 1988. С. 88, 89.
3. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сб. ст. по материа-

¹¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2804.

- лам Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. СПб., 2018. С. 46.
4. Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2001. С. 179, 180.
 5. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. СПб., 1867. Ч. 2. С. 3.
 6. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 188.
 7. Лубенский А.И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. М., 1977. С. 32, 33.
 8. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 33–35.
 9. Россинский С.Б. Формирование и развитие уголовной юстиции в первые годы советской власти (к 100-летию судебной реформы 1922 г.) // Труды ИГП РАН. 2022. № 5. С. 149–176.
 10. Случевский В.К. Учебник уголовного процесса. 4-е изд. СПб., 1913. С. 516.
 11. Ткачева Н.В. Уголовное судопроизводство зарубежных государств: учеб. пособие. Челябинск, 2006. С. 19, 36, 37.
 12. Трефилов А.А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии. М., 2015. С. 109.
 13. Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.С. Самарина, В.В. Луцка. М., 2018. С. 278, 655.
 14. Цветков Ю.А. Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 36.
 15. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 64.
 3. Gavrilov B. Ya. Modern pre-trial proceedings: legislative myths and realities of the 15-year practice of applying the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Scientific School of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University: criminal Justice of the XXI century (to the 15th anniversary of the application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference / ed. by N.P. Kirillova, N.G. Stoiko. SPb., 2018. P. 46 (in Russ.).
 4. Golovko L.V., Gutsenko K.F., Filimonov B.A. The criminal process of Western states / ed. by K.F. Gutsenko. M., 2001. P. 179, 180 (in Russ.).
 5. Kvachevsky A.A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guide. St. Petersburg, 1867. Part 2. P. 3 (in Russ.).
 6. Course of Criminal Procedure / ed. by L.V. Golovko. M., 2016. P. 188 (in Russ.).
 7. Lubensky A.I. Preliminary investigation on the legislation of capitalist states. M., 1977. P. 32, 33 (in Russ.).
 8. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M., 2021. P. 33–35 (in Russ.).
 9. Rossinsky S.B. Formation and development of criminal justice in the first years of Soviet power (to the 100th anniversary of the judicial reform of 1922) // Proceedings of the ISL of the RAS. 2022. No. 5. P. 149–176 (in Russ.).
 10. Sluchevsky V.K. Textbook of criminal procedure. 4th ed. St. Petersburg, 1913. P. 516 (in Russ.).
 11. Tkacheva N.V. Criminal proceedings of foreign states: textbook. Chelyabinsk, 2006. P. 19, 36, 37 (in Russ.).
 12. Trefilov A.A. Organization of pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of Switzerland. M., 2015. P. 109 (in Russ.).
 13. Criminal procedure of European states / ed. by V.S. Samarin, V.V. Lutsik. M., 2018. P. 278, 655 (in Russ.).
 14. Tsvetkov Yu. A. Historical stages of development of preliminary investigation bodies in Russia // History of the state and law. 2015. No. 3. P. 36 (in Russ.).
 15. Shafer S.A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power. M., 2013. P. 64 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. — Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia